

Наставник истории долго хранил молчание, прежде чем велел Цзи Линьси возвращаться в класс.

Тот неспешно побрёл назад. Переступив порог, юноша ощутил на себе чей-то враждебный взгляд, но лишь небрежно отряхнул подол халата, словно не замечая чужой злобы. На его лице застыла привычная маска — образ изнурённого холодом, глубоко несчастного сироты. С этим видом он и опустил на своё место у окна.

Как гласит старая мудрость: «Чтобы покорить человека, нужно прежде всего покорить его разум».

«А уж к каждому разуму надобно подбирать свой ключ, — размышлял он. — И лишь такая победа — над чужой волей и сердцем — считается истинным искусством»

Накануне зимних каникул Линьси вновь вызвали в наставнический двор. Все эти дни Хуай Сююн обивал пороги других учителей, рассказывая им о судьбе своего подопечного. Большинство сочувствовало, кивало, но палец о палец не ударило.

Они прекрасно понимали, к чему клонит наставник истории. Приютить студента — дело нехитрое, но последствия куда глубже, чем кажется. Им по душе был такой прилежный юноша, но знали они его без году неделю. Одно дело — помочь дельным советом в учёбе, и совсем другое — впустить в свой дом, дать кров и пищу. Это почти то же самое, что признать его «закрытым учеником», личным преемником. А выбор преемника — вопрос чести и репутации всей жизни. Линьси пробыл в академии всего ничего; за долгие годы преподавания наставники не раз видели, как те, кто начинал с горящим взором, быстро сдавались и опускались на дно. Если и этот студент окажется таким, их доброе имя будет безнадежно запятнано.

А разве есть для книжника что-то ценнее, чем его репутация?

К тому же пригреть на груди змею, которая оплатит чёрной неблагодарностью, — участь незавидная.

Однако Хуай Сююн, два дня взвешивая все «за» и «против», всё же принял решение.

— На время каникул перебирайся ко мне, — твёрдо сказал он.

На этот раз юноша не стал ломаться и изображать ложную скромность. Он решительно откинул подол, опустил на колени и трижды коснулся лбом земли, воздавая учителю глубокий поклон. Затем он поднял перед собой огрубевшие ладони. Драгоценная «Нефритовая мазь», подаренная прекрасным принцем, почти закончилась — Линьси тратил её крошечными

каплями, экономя каждый грамм. Теперь его руки больше не походили на уродливое гниющее мясо, но всё же оставались тёмными, покрытыми грубыми мозолями. То были руки чернорабочего, а не учёного.

— Ученик благодарит учителя за великую милость! Я приложу все силы, буду учиться не покладая рук, чтобы сдать экзамены и отплатить за вашу доброту!

В его глазах светилось искреннее, глубокое волнение.

И на этот раз Хуай Сююн принял обращение «учитель» всем сердцем.

Он помог подопечному подняться, и морщины на его лбу чуть разгладились, хотя голос остался суровым:

— Мечтаешь сдать государственные экзамены? Люди годами грызут гранит науки и не смеют произносить таких слов, а ты дерзишь. Если сумеешь пройти хотя бы столичные испытания — считай, предки твои на том свете все свечи богам выжгли, вымаливая тебе удачу.

Линьси подумал:

«Ну уж нет, этого мало»

«Если я остановлюсь на полпути, то никогда не смогу предстать перед тем прекрасным господином. Чтобы сорвать с небес сияющую луну, нужно шаг за шагом забираться всё выше, пока не окажусь с ней вровень. Поэтому я не просто сдам экзамены — я буду карабкаться по чиновничьей лестнице, не брезгуя никакими средствами, пока не займу место "одного подле императора, но над всеми остальными". И тогда я прижму к себе желанного принца, вкушу его аромат»

«Буду целовать его каждый день»

«Перед утренним приёмом и после него, в постели и вне её. Только так я обрету истинное довольствие и проживу жизнь в блаженстве»

***

Наступили каникулы. Пока другие ученики собирали пожитки и разъезжались по домам, Линьси благополучно перебрался в дом наставника истории.

Жилище учителя оказалось совсем не таким, каким он представлял себе изысканное поместье книжника. Дом Хуай Сююна мало чем отличался от жилищ простых горожан, разве что выглядел чуть побогаче, чем у совсем уж бедняков. Небольшой дворик, четыре комнаты:

главная, кухня, кабинет и гостевая. Никаких слуг — лишь сам наставник и его супруга.

Хотя людей было немного, здесь не чувствовалось запустения. Посреди двора росло мощное дерево гинкго, а вокруг теснилось множество цветов и трав. Зимой они замерли в оцепенении, ожидая весеннего тепла, чтобы вновь явить миру свою красоту.

Жена наставника вышла навстречу вместе с двумя детьми. То была женщина с открытым, приятным лицом, на вид лет двадцати шести — двадцати семи. Один ребёнок боязливо прятался за её юбку, другой, вцепившись в руку матери, с любопытством разглядывал гостя.

Зная из письма мужа, что в их доме на время поселится студент, госпожа Ци заранее вымела гостевую комнату и приготовила обед. Она встретила его с необычайным радушием:

— Так вот ты какой, Линьси. И впрямь видный юноша.

Звать её «женой учителя» тот пока не смел, ведь Хуай Сююн официально не объявлял его своим личным учеником. Поэтому он почтительно поклонился:

— Младший Цзи Линьси приветствует вас, госпожа.

Благодаря своей привлекательной наружности и безупречным манерам юноша мгновенно расположил к себе женщину. Та рассмеялась:

— Какая я тебе госпожа? Мы люди не знатные, зови меня просто госпожой Ци.

Поговорив немного с женой, наставник повёл студента в гостевую комнату и толкнул дверь:

— На время каникул здесь будет твой угол. И заниматься будешь здесь же.

С учениками он всегда был строг, и даже приветив Линьси, не смягчал тона:

— В конце второго месяца начнутся уездные экзамены. Если за зиму обленишься и провалишь их, следующей весной можешь ко мне не приходиться.

Линьси поспешно склонил голову в знак согласия.

Учителя звали Хуай Сююн. Видя покорность юноши, он заметно смягчился и велел ему оставить вещи и идти обедать.

Когда хозяин дома ушёл, Линьси достал свои пожитки. Их было немного — книги, бумага, кисти да тушечница. Но самыми ценными сокровищами для него оставались «Нефритовая

мазь» и чёрный нефритовый камень для игры в го, который он подобрал во дворе Восходящего Солнца, когда принц покинул поместье Ванов.

Левой рукой он поднёс к губам заветную коробочку.

Правой — сжал и поцеловал холодный камень.

Ему казалось, будто прекрасный принц стоит прямо перед ним, и он прошептал с глубокой страстью:

— Господин, ждите меня.

«Я обязательно смогу подняться к вам. И вы меня заметите»

***

Срезав в саду несколько веток белой сливы в самом цвету, служанка бережно прижала их к груди и поспешила в Восточный дворец. Там она сменила вчерашние цветы в вазе с узором из хризантем.

В залах дворца работало отопление — стоило закрыть двери, как зимний холод оставался снаружи. Девушка, расставляя цветы, с облегчением выдохнула, чувствуя приятное тепло, и лицо её озарилось радостью.

Она украдкой заглянула вглубь покоев.

За тонкой газовой занавесью Его Высочество наследный принц играл в шахматы с наследником Янем.

Спустя мгновение Янь Хуай сокрушённо вздохнул:

— Сколько ни играю с вашим высочеством, никогда не могу победить. Ваше мастерство в шахматах поистине безупречно.

Чу Юй начал собирать камни с доски:

— Заставь ты меня состязаться с тобой в воинском искусстве — и я не продержусь и минуты.

Едва они начали вторую партию, как вошёл евнух Чэнь, окончательно оправившийся от ран и вернувшийся к службе:

— Ваше Высочество, телохранитель Юнь просит аудиенции.

Чу Юй повернул голову:

— Пусть войдёт.

Юньшэн вошёл размашистым шагом и преклонил колено:

— Ваше Высочество.

— Все вон, — коротко приказал принц.

— Слышали? Его Высочество велел всем выйти! — распорядился евнух Чэнь.

Чу Юй добавил:

— Ты тоже.

Лицо евнуха на мгновение изменилось, но он тут же смиренно склонился и повёл слуг к выходу.

— Господин Ван, его супруга, Ван Хэ и префект Сун... — начал Юньшэн, — покончили с собой в тюрьме Далисы, признав вину.

Янь Хуай, собиравшийся сделать ход, замер. Пальцы его дрогнули.

— Признали вину и покончили с собой?

В его душе поселился холод — он прекрасно понимал, что скрывается за этими словами, но всё же не мог до конца поверить:

— Ладно префект Сун... Но господин Ван, его жена и Ван Хэ — они ведь кровная родня канцлера! Господин Ван даже оказывал ему покровительство в юности.

Именно благодаря этому покровительству старик Ван и стал тенью, накрывшей весь Юнчэн. Об этом Янь Хуай узнал лишь по возвращении в столицу.

Чу Юй сжал в пальцах чёрный камень:

— Оказывается, перед лицом власти и выгоды родственные узы для господина канцлера — лишь мусор, который можно выбросить.

Зачем было убивать их? Лишь потому, что они слишком много знали, и их показания могли доставить Ван Яну хлопоты. Вот он и решил — нет человека, нет проблемы.

Если он способен дотянуться даже до узников Далисы, кто посмеет сказать, что власть канцлера не безгранична?

— Что ж, похоже, это дело скоро будет закрыто.

***

Поместье канцлера.

Услышав известие о том, что семья его дяди и префект Сун «ушли из жизни под грузом вины», Ван Ян откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В памяти всплыли картины далёкого детства: дядя, который тайком водил его гулять и покупал танхулу; дядя, который, не раздумывая, бросился в воду, чтобы спасти тонущего племянника.

Когда Ван Ян возвысился, он знал, что его дядя любит разгульную жизнь, а потому не стал забирать его в столицу, оставив в Юнчэне. Даже назначение Сун Вэньчжи префектом в Цзинчжоу было сделано лишь ради спокойствия дяди.

Но всего одна поездка принца за пределы дворца — и он лишился близкого человека, который был к нему искренне привязан.

Люди, посланные на расследование, подтвердили: всё было именно так, как доносил мелкий чиновник из Юнчэна. Наследный принц и наследник Янь прибыли в город, Янь Хуай не скрывал своей личности, а принц назвался именем Шэнь Вэньчжи. В день прощального пира несколько человек ворвались в дом и перед лицом префекта Суна обвинили дядю в преступлениях. Принц начал расспрос, и жалобщики выложили всё как на духу.

Потом принц захотел разобраться, дядя попытался помешать и велел окружить поместье — это и привело Его Высочество в ярость. По чистой случайности второй молодой господин Шэнь оказался поблизости с дворцовой стражей и вмешался в дело. Семью Вана взяли под стражу, и в ту же ночь, собрав улики, отправили в столицу, в тюрьму Далисы.

— Господин канцлер, похоже, всё это — лишь цепь случайных совпадений, а не намеренный удар принца, — осторожно заметил писарь Го Синъань.

Чиновник Люй Мэн холодно усмехнулся:

— Какая удивительная случайность! Надо же, Шэнь Вэньчжи именно в тот день оказался у ворот поместья Ванов с императорской гвардией! Не будь там стражи, всё бы не зашло так далеко. Канцлер уже несколько дней не является во дворец. Принц действовал столь стремительно, что не дал господину канцлеру даже шанса вмешаться. И вы хотите сказать, что это не было спланировано? Кто в это поверит?

Го Синъань посмотрел на него с презрением:

— Если бы ты знал, что принц тайно покинул дворец и сегодня должен вернуться, а гвардия находится в твоём распоряжении — неужели ты бы не поспешил ему навстречу ради его же безопасности?

Люй Мэн замялся, не находя ответа.

Го Синъань продолжал:

— К тому же второй господин Шэнь — не чета наследнику Яню. Янь Хуай — спутник принца, они выросли вместе, он плоть от плоти Восточного дворца. Но Шэнь Вэньчжи? Сколько раз императрица и принц пытались переманить его на свою сторону — он всегда отказывал. Он не дружен ни с принцем, ни с кем-либо из других сыновей императора. Ты хочешь сказать, что он выполнил тайный приказ Его Высочества? Что он — человек принца?

Люй Мэн помрачнел:

— Я этого не говорил! Это ваши слова!

— Хватит спорить, — Го Синъань продолжал ледяным тоном. — Тупица, пораскинь мозгами: наш канцлер формально принадлежит к фракции наследного принца. Какой смысл Его Высочеству наносить удар по своему главному союзнику? Неужели он решил сам себе выкопать могилу? Или он считает, что его положение в Восточном дворце слишком устойчиво?

— Довольно, — Ван Ян открыл глаза, прерывая спор. Помолчав, он обратился к Го Синъаню: — Ты ошибся в одном.

Тот замер, перебирая в уме свои доводы, но не нашёл изъясна. Однако если канцлер сказал «ошибся», значит, так оно и есть. Он склонился в глубоком поклоне:

— Внимаю наставлениям господина канцлера.

Ван Ян горько усмехнулся, и в его голосе зазвучал лютей холод:

— Раз он уже провозглашён наследником, значит, он и есть основа государства. Стал бы я ему

помогать или нет — хозяин Восточного дворца остаётся принцем. Даже если Его Величество захочет сместить его — пока принц не совершит роковой ошибки, император бессилён.

Сколько наследников было свергнуто за всю историю? Лишь те, кто совершил тяжкое преступление, стал калекой или оказался непроходимым дураком. Но наш принц... он не подходит ни под одно описание.

— Наследник — это тоже государь.

«Наследник — тоже государь».

Эти слова эхом отразились в умах советников.

— Но... даже если так, Его Высочеству это не принесло выгоды, — упрямо прошептал Го Синъань.

— Наследник — тоже государь, — повторил канцлер, прикрыв глаза. — Когда старший государь полон сил, младший становится соринкой в его глазу.

И чтобы не быть этой соринкой, раздражающей взор императора, наш принц выбрал путь затаившегося зверя. Но за это «смирение» он заставил меня заплатить жизнью моей родни и пожертвовать префектом Цзинчжоу, которого я сам продвигал.

Лишь сегодня Ван Ян до конца осознал игру хозяина Восточного дворца, и от этого осознания в его сердце закипела жгучая ненависть.

Принц заставил его собственноручно убить близких — вкус этой боли был невыносим.

А его собственный сын, которого он отправил во дворец в спутники принцу, стал посмешищем из-за издёвок Чу Юя. Теперь об этом позоре шепчутся во всех углах.

— Наследный принц... — проскрежетал Ван Ян.

***

Обвиняемые покончили с собой в тюрьме Далисы. Поскольку все улики были налицо, суду оставалось лишь закрыть дело и передать свитки императору.

Государь лишь бегло просмотрел бумаги. Он ни словом не обмолвился о странных самоубийствах. На следующий день он велел Ван Яну вернуться к делам. Публично отчитав канцлера, император объявил: памятуя о его заслугах перед престолом и учитывая, что

наследный принц не пострадал, тот приговаривается к двадцати ударам палками, лишению жалованья на три года и полумесячному домашнему аресту для раздумий.

Среди придворных многие замерли в изумлении.

Бог с ними, со злодеяниями семьи Ван в Юнчэне... Но покушение на жизнь наследного принца — и отделаться такой пустяковой карой?!

Но никто не посмел вымолвить ни слова протеста.

Евнухи увели канцлера для исполнения приговора. Снаружи донеслись глухие удары и сдавленные стоны. Когда стих двадцатый удар, Ван Яна внесли обратно. Дрожа всем телом, он опустился на колени:

— Подданный благодарит... за милость Его Величества...

— Довольно. На сегодня всё, — раздался холодный, величественный голос.

Раздался звон колокола, возвещающий об уходе императора. Чиновники переглядывались в молчании. Похоже, наследный принц и впрямь лишился любви отца. Его звезда закатилась.

Весть долетела и до задних покоев дворца.

— Государыня!..

Императрица, поддерживаемая старшей служанкой, на мгновение потеряла самообладание, но затем вскинула голову и разразилась безумным смехом. Слезы покатались из её глаз.

— Ха-ха-ха!..

— Когда Чу Цзин брал меня в жёны и вводил в Восточный дворец как свою принцессу, он клялся, что будет любить меня до конца дней! Обещал, что отдаст всё лучшее в подлунном мире нашему сыну! И сколько же лет прошло?!

— Оказывается, «целая жизнь» — это так недолго! Всего лишь жалких двадцать лет!

Услышав, как она в лицо называет императора по имени, служанки пали ниц, не смея шелохнуться. Старая Жун Яо стояла с покрасневшими глазами:

— Государыня...

В этот момент в зал вбежала ещё одна девушка и, рухнув на колени, выдохнула:

— Государыня, сегодня император отправился во дворец Цзиньсю.

Дворец Цзиньсю — обитель драгоценной наложницы Ань.

Острые ногти впились в ладони императрицы до крови. Она глухо застонала, и на её губах выступила алая кровь.

— Государыня! — Жун Яо подхватила её, зычно крикнув: — Быстро, зовите императорского лекаря Ли!

Видя, как служанка мчится прочь, императрица глубоко вдохнула, сжала руку своей мамы и медленно выпрямилась.

Нет, она не может сломаться.

Если она, его мать, падёт, на кого сможет опереться её Юй-эр? Она обязана выстоять. Она будет бороться за сына, пока не наступит день, когда он взойдёт на престол.

Чу Цзин, Ань Янь...

Их счёты ещё не сведены. Рано или поздно наступит час расплаты.

Они хотят отнять у её сына титул наследника? Хотят лишить его трона? Этому не бывать.

***

Столица кипела интригами, но Цзи Линьси в Юнчэне об этом не ведал. Он с головой ушёл в книги в доме наставника истории. Его рвение было столь велико, что даже госпожа Ци диву давалась.

— Твой студент и впрямь не знает отдыха. Я ночью вставала — а у него в комнате всё свеча горит, читает.

Хуай Сююн был доволен таким прилежанием, хотя вслух лишь ворчал:

— Не будет стараться — как он экзамены сдаст? С его-то знаниями он и через уездные испытания не проберётся.

Госпожа Ци, глядя на красивого юношу, который, накинув на плечи одежду, читал у окна, несмотря на холод, толкнула мужа локтем:

— А ведь ты не прогадал с учеником. И собой хорош, и к наукам тянется, да и в хозяйстве от него толку больше, чем от некоторых... — она с издёвкой глянула на шуплого супруга. — Встанет спозаранку: и воды натаскает, и дров наколет. Поест — и посуду сам вымоет. Видит, что я за тяжёлое дело берусь — сразу бежит на помощь. А ты? — она фыркнула. — Тебя за водой пошлешь — два ведра принесёшь, а устанешь больше, чем я за весь день.

Наставник покраснел и вскинулся:

— Он мне ещё не официальный ученик! К тому же я — человек учёный, тело моё... к труду не привычно!

— Ой, да ладно тебе, — госпожа Ци закатила глаза. — Скажешь тоже, будто твой студент не книжник. Взял бы пример с него: устал от книг — поотжимайся от пола, силушку разомни. Вечно мне приходится быть зачинщицей, думаешь, я не устаю?

— Ци Сяньюнь! Как тебе не стыдно! — прошипел наставник, заливаясь краской гнева и смущения.

Видя, что муж всерьёз раздосадован, она прильнула к его щеке:

— Ну ладно, ладно, не сердись. — И вдруг, вспомнив что-то, весело рассмеялась.

— Ты чего?

Госпожа Ци лукаво глянула на него:

— Не скажу. Но смеюсь я не над тобой.

«Она подумала: "Повезёт же той девице, что замуж за Линьси пойдёт. Умён, работащ, а уж сил-то сколько — небось после первой брачной ночи бедняжка до полудня с постели не встанет"»

— Папа, мама, о чём вы шепчетесь?

Дети с любопытством потянулись к родителям.

Госпожа Ци замахала руками:

— А ну, мелюзга, брысь отсюда! Не вашего ума дела, о чём взрослые толкуют.

Старший брат надулся и потянул сестру во двор играть со снегом:

— Вырастем — тоже не будем папу с мамой в свои игры брать.

Спустя мгновение раздался стук в дверь.

— Учитель, госпожа Ци.

Женщина открыла дверь, улыбаясь:

— Линьси, заходи. Случилось что?

За время, проведённое за книгами, кожа юноши немного посветлела, и в его облике появилось благородство учёного мужа. Он мягко промолвил:

— У меня закончились свечи и чернила. Хочу сходить на рынок, прикуплю необходимое. Вернусь, пожалуй, поздно.

— Вот оно что. Иди, конечно, да будь осторожен в пути. Мы тебе ужин оставим.

Линьси поблагодарил их поклоном, закинул за плечи сумку и вышел за порог.

Спустя час он добрался до торговых рядов.

Всё же, при всей любви к науке, он куда больше любил этот суетный, пахнущий жизнью мир. Втянув ноздрями ароматы еды, юноша уверенно зашагал к лавке с лапшой. Заказав три порции сытной лапши «Цю», он съел всё до последней капли, с удовольствием расплатился и отправился за книгами.

Хуай Сююн был с ним честен: разрешил брать любые книги из своей библиотеки, лишь бы берёг их. Но многих нужных трудов у учителя не было, приходилось искать самому.

Пробродив по лавкам больше часа и купив всё необходимое для учёбы, Линьси уже собирался назад. Но судьба распорядилась так, что путь его пролегал мимо лавки с развлекательным чтивом. Поколебавшись мгновение, он не устоял и нырнул внутрь.

Разве могут сухие каноны сравниться с запретными книгами? Те читаются легко, захватывают дух и открывают тайны, о которых в школе не услышишь. Купить парочку, чтобы скоротать вечер — дело доброе, главное — не зачитываться и не забрасывать учёбу.

Он принялся рыться в стопках книг, пробираясь вглубь лавки. Взгляд его упал на свиток под названием «Слияние Инь и Ян». Линьси замер. Он не был невинным младенцем и ещё в четырнадцать лет разглядывал непристойные картинки, так что по названию сразу смекнул, о чём речь.

«Это же... Это же просто прелесть!»

Он непринуждённо взял стоявшую рядом книгу о травах и накрыл ею находку. Следом попался «Канон Жёлтого Двора» — он тоже отправился в стопку для прикрытия. А под ними... «Тайны искусства опочивальни», «Польза от утех в опочивальне»...

«Да это не лавка, а настоящая сокровищница!»

Набрав внушительную кипу, Линьси воровато огляделся. Заметив, что у прилавка есть люди, он отошёл в сторонку, делая вид, что увлечённо выбирает серьёзный труд. Как только покупатели ушли, он мгновенно оказался у кассы и с невозмутимым видом выложил книги.

— Приятель, посчитай-ка, сколько с меня за всё это.

— Сию минуту, господин! — Приказчик, видя такую гору товара, расплылся в улыбке. Он взял верхнюю книгу — «Травник», — но, заглянув под неё, замер. Увидев «Слияние Инь и Ян», он с трудом подавил желание внимательно рассмотреть покупателя и продолжил счёт.

«Святые угодники, — подумал приказчик, — видел я тех, кто берёт одну-две такие книжки, но чтобы сразу столько?!»

— С вас тридцать два ляна, господин, — не поднимая глаз, пролепетал он.

Линьси выложил деньги, накрыл стопку запретных книг «Травником» и плотно упаковал всё в сумку. Хлопнув по ней ладонью, он вальяжно вышел из лавки.

В голове его роились мысли: если он изучит все эти премудрости, отшлифует мастерство, разве останется повод беспокоиться о том, как ублажить прекрасного принца?

«Он наверняка разожжёт в Его Высочестве такое пламя страсти, что тот не сможет без меня и дня прожить!»

Теперь точно пора домой.

Но, проходя мимо мясных рядов, юноша снова притормозил. Купил два цзиня жирной свинины.

Теперь точно пора...

У лотка со сладостями он снова задумался и купил целый мешок сахара.

Раз уж он живёт в доме наставника, сэкономив столько денег и получив столько добра, негоже возвращаться с пустыми руками.

Как говорится, в людских делах важен обмен. Даришь персик — получаешь сливу. Разве не на этом держится мир?

<http://bllate.org/book/15344/1377262>